

**В серии «Академия Магии»
выходят книги:**

Анна Гаврилова, Наталья Жильцова

«Академия Стихий. Танец Огня»

«Академия Стихий. Душа Огня»

«Академия Стихий. Испытание Огня»

Галина Гончарова

«Академия колдовских наук».

Книга первая «Учиться, влюбиться, убиться»

Книга вторая «Летняя практика»

Книга третья «Корни зла,
или Вперед в прошлое»

Книга четвертая «Дорога домой»

Елена Звездная

«Академия Проклятий»

цикл из восьми книг

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

МАГИЧЕСКИЙ
УНИВЕР

КОРНИ ЗЛА

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 65

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г 65 Магический универ. Книга третья. Корни зла / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-77780-8

Юлька и подумать не могла, что поездка на королевские смотрины обернется таким весельем. Интриги, временная петля, непримиримый враг и прочие желающие избавиться от его величества... Но это кому король, а кому просто друг. А друзей не выдают и не предают. Наоборот, защищают, поддерживают и помогают в трудную минуту справиться с бедой, расплатиться по старым счетам и даже преодолеть время и пространство, чтобы все стало на свои места. А если это кому не нравится — у него всегда есть возможность выразить... свое неодобрение (несогласие). Ведь двери универа открыты. Правда, зайти туда рискнет не каждый.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77780-8

© Гончарова Г., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Часть первая

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Глава 1

ЭКЗАМЕН НА ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Я стояла в коридоре, листала книгу, ждала зачета. Рутину, однако.

Последние два года у меня не жизнь, а сплошные серые будни.

После буздючей истории уже минуло два года, страх сказать. И прошли они примерно по одному сценарию. Все тихо, спокойно и мирно. Ни войн, ни революций. Директор шутит — это все потому, что меня постоянно отправляют на практику к сиренидам. А из-под океана я никого достать не могу. Я не возражаю. Сирениды — лапочки и душки. С их общественным устройством жить рядом — одно наслаждение. Бездельников там просто не водится. Зато они в любой момент готовы изучать что-то новое. А я всегда готова учиться у них.

Чему?

Да всему?

Вот в магии разума они нас далеко за пояс заткнули. Конечно, до Тёрна им, как мне отсюда до Кариема, но на прикладном уровне они просто виртуозы. И директор это оценил.

Так что последние два года часть занятий по магии разума проходит в океане. Мы только радуемся.

Я — так точно. У меня теперь и там куча друзей с непроизносимыми именами. Жаль только, директор не отправляет меня на практику в Элварион. Только на каникулы. Поэтому нам с Тёрном приходится изворачиваться. Вот сдам зачеты пораньше — и рвану к нему в гости на пару дней.

А для этого... учить! И еще раз учить!

Я перелистнула страницу книги.

— Ёлочка, тебе письмо.

Лорри величаво вплыла через стену.

— От кого?

— От Тёрна.

— Твою скумбрию! Это ж надо так угадать!

Письмо пришло в самый неподходящий момент, как раз перед зачетом по теории междумировой телепортации. Собственно, это было даже не письмо, а просто конверт из обычной белой бумаги. И внутри — обычная еловая веточка. И еще два слова, написанные знакомой рукой: «Срочно. Тёрн». Я повертела конверт в руках. Потом машинально сунула в карман мантии. Вспомнила наш разговор перед отъездом.

— *Ёлка, я буду ждать тебя летом, после практики.*

— *Я обязательно прилечу, ты же знаешь.*

— *Я буду очень ждать.*

Тёрн на секунду замолчал, и я внимательно посмотрела на него.

— *Что случилось? Ты в последнее время сам не свой. Я же вижу!*

— *Ты научилась читать мои мысли?*

— *Нет. Но ты в последнее время ужасно рассеян. И я видела, как ты поступил с Клаверэном.*

— Наверное, я просто разозлился, — попытался отговориться элвар. — Плохое настроение бывает у всех.

— Ты? — Я искренне расхохоталась. — Чушь! Клаверэн предан тебе. Я скорее поверю, что Лорри съест меня на обед, чем в то, что ты станешь срывать злость на своем друге!

— Ты и правда хорошо меня знаешь.

— Ты же мой друг.

Тёрн колебался еще несколько секунд, но потом все-таки покачал головой.

— Ёлка, я не могу сейчас рассказать тебе всего. Ты действительно считаешь меня своим другом?

— Ты знаешь это не хуже меня! — возмутилась я.

— Хорошо. Тогда обещай приехать, как только я пришлю тебе вызов. В тот же день телепортируйся ко мне. Прошу тебя.

Я не колебалась.

— Я приеду, даже если придется сражаться со всеми драконами планеты.

— Даже если придется стравить одних драконов с другими, — кисло улыбнулся элвар. — Сама знаешь, три драконьи семьи за тебя в огонь и в воду.

— Знаю. — Я поправила белый плащ из драконьей кожи — последний из подарочков от Лилии. Родив в законном браке двоих детей, драконочка линяла по три раза в год.

— Я пришлю тебе письмо.

— Пришли еловую веточку, и я приеду даже из другого мира.

— Не говори мне о другом мире! — неожиданно взорвался Тёрн.

Я постаралась скрыть свое изумление. Он вообще не любил, когда я рассказывала о России, но

такой взрыв я наблюдала впервые. К чему бы это, как не к войне с Турцией?

— Ты точно не хочешь рассказать мне, в чем дело?

Тёрн с видимым усилием закрыл глаза. Через несколько секунд его лицо стало абсолютно спокойным, и я завистливо вздохнула. Ну и самоконтроль. Хотя чего еще можно ждать от телепата?

— Я пришлю тебе еловую веточку. Обещай приехать в тот же день.

— Клянусь.

— До встречи.

— До встречи.

Этот разговор насторожил меня. Что-то было не так. Неправильно. Что могло вывести из себя невозмутимого, да что невозмутимого — непрошибаемого никакими невзгодами Тёрна?! Настолько вывести, чтобы он стал орать на Клаверэна. Я случайно проходила мимо (правда, случайно!) и услышала всего несколько слов из их разговора, но каких!

— Какой Тьмы вы так поступаете со мной?! Я — король! Или вы считаете, что у меня нет ни чувств, ни сердца?! — Голос Тёрна дрожал от плохо скрытого бешенства. Или он дошел до такой стадии, когда держать себя в руках уже не было сил.

— Мой король, — голос Клаверэна был нарочито спокоен и холоден, — у вас есть определенные обязательства перед державой. Даже несмотря на эту ведьму...

— Ёлка — мой единственный друг. — Теперь и голос Тёрна стал ледяным. Но я вздрогнула. Если королевское бешенство сулило только смертную казнь, то такой голос обещал гораздо большие боли и ужаса. — Не втягивай ее сюда.

Кажется, Клаверэн почувствовал то же, что и я. Но не сдался. Голос его немного дрожал, но элвар прочно стоял на своем:

— Не буду. Но вы обязаны это сделать! Обязаны!

— Это мы еще посмотрим!

Дальше я уже ничего не слышала. Ушла прочь. Главный принцип у меня — не лезть в дела друга без его разрешения. И точка. Но Тёрн ни словом не обмолвился об этом разговоре. Промолчал. И я не настаивала. Захочет — сам расскажет. И никак иначе. Тогда я и приду на помощь. Только почему-то стало страшно. Я никогда не была сильна в предчувствии, но сейчас у меня заболело что-то глубоко внутри. И я покрепче сжала руки, стараясь избавиться от этой дрожи.

Книга отлетела в сторону, но Лорри ловко подхватила ее и улетучилась.

Ну и правильно. Перед смертью не надышишься. А зачет будет уже через десять минут. Если Виктор не опоздает.

Ой!

— О чем ты думаешь? — поинтересовался Канн, обнимая меня за плечи.

Подкрался, гад! Вот заряджу по нему в следующий раз заклинанием, чтобы поумнел! Между прочим, после буздючьей истории директор в обязательном порядке приказал всем магам носить три амулета. Во-первых, для проверки на яд — амулет в виде кольца начинал светиться и теплеть, если его владелец отравлен. Во-вторых, амулет первого удара, защищающий от всего — но только на пять секунд. Кто бы на тебя ни бросился, нечисть или другой маг, пять секунд тебе гарантированы. И, в-третьих, сигнал бедствия. Если маг погибал, последние тридцать

секунд его жизни отправлялись в кристалл памяти в Универсе. И их можно было проглядеть. Стоили амулеты дороже чугунного моста. Но Универс пошел на это. Все артефакторы полгода сидели над ними, а заряжали их вообще все УМы по очереди. И правильно. Сколько тогда магов погибло из-за мерзкого Бuzдюка! А с амулетами есть хотя бы слабый шанс, что такое не повторится.

— Неважно. — Я дернула плечом, сбрасывая руку Кана.

— Об этом элваре, я угадал? — Рука вернулась на прежнее место.

— Пошел ты к черту! Я могу думать хоть об элваре, хоть о милотанском принце — но тебя это не касается! Ясно? — Рука опять отлетела в сторону.

— Ёлка, ты же знаешь, что я тебя люблю! — Канн сделал еще одну попытку приобнять меня.

Да что ж это такое?! Никаких нервов не хватит! А еще говорят, что без любви жить нельзя и любовь — это яд! Хотя второе-то правильно, Канн со своими пылкими чувствами отравлял мне жизнь не хуже крысомора.

— Я тебя не люблю. И уже устала повторять тебе это! Отвали!

Я сбросила руку приятеля и пошла в аудиторию. Нет, ну почему Канн не может вести себя так же, как Тёрн? Вот уж с кем мне никогда не было столь... неудобно! Элвар, как всегда, оказался прав. В конце прошлогодного дождливеня Канн все-таки признался мне в любви. Я честно ответила ему, что между нами может быть только дружба, но он не поверил. И Тёрн явился тому не последней причиной. Наша с ним якобы любовь. Ну как объяснить людям или нелюдам, что между нами ничего не было!

Мало ли, что они там думают! Мы просто хорошие друзья! И я не вижу ничего необычного в простом поцелуе в щеку в знак благодарности! И конечно, я могу прошляться с Тёрном целую ночь. Как-то раз мы удрали из дворца, чтобы посмотреть на комету. Комета появилась в строго рассчитанное время. К сожалению, под утро появились еще и элвары, которые разыскивали своего правителя. А мы как раз спали. Разумеется, в обнимку. А что делать, если из всего постельного белья только два плаща? Между прочим, простуда — единственная болезнь, которая не лечится магическим путем! Жаль, что до элваров не дошел наш практицизм. Или дошел как-то с другой ноги. Взгляды, обращенные ими в мою сторону, были не просто укоризненными. Я сперва согрелась под ними, а потом едва не загорелась. Тёрн позже сказал, что элвары считают меня его любовницей. Но каждый думает в меру своей испорченности! И тот же Клаверэн прямо говорит, что Тёрн и я — не просто друзья. Дурак! А ведь он хорошо нас знает!

Ну и пусть думают что хотят! Между нами ничего не было. Да и наверняка не будет. Последние пять лет я провожу в Элварионе все каникулы. Или телепортируюсь, или прилетаю на метле. Иногда Тёрн присылает за мной дракона, если кто-нибудь из наших стражей границы не занят, что бывает редко. За последние пять лет на границе между Элварионом и Азермоном поселилось двадцать два дракона. Азермонские контрабандисты просто рыдают и бьются в истерике, султан заваливает моего приятеля нотами протеста, а элвар, нагло хлопая длинными ресницами, предлагает султану скидываться в фонд помощи драконам, чтобы те с голодухи на людей не бросались. Бедненькие, несчастненькие ящерки!

Хотя правитель Азермона предпочитает более радикальные средства. Уже троих самоубийц с ядом поймали. И конечно, есть не стали. Драконы чуют яд не хуже алхимиков, мне бы так научиться!

Зато в Элварионе, как и прежде, нет ни одного волшебника. Элвары говорят, что им не нужна человеческая магия. Любую нечисть, которая осмелится появиться в их владениях, просто изрубуют в капусту. Болеть элварам тоже не свойственно. Зараза к заразе не липнет. Остается погодная магия и садово-огородная. Ну и все остальное в том же духе, по мелочи. Для меня это семечки. Если честно, я просто наслаждаюсь своими каникулами. Элварион — отличное место, а Тёрн смотрит на меня как на единственного друга, который в его присутствии не следит ни за речью, ни за мыслями. Как на постоянный источник смеха. Как на клоуна. Как на человека, с которым можно просто поболтать. Это довольно важно, ведь Тёрн — телепат высшего уровня, а может, даже и еще выше, и говорить с ним, даже просто находиться в одном помещении сложно. Он очень страдает от одиночества, и я по мере сил и возможностей скрашиваю его жизнь. Но он точно не смотрит на меня как на женщину. Я, в свою очередь, не желаю увязать по уши в любви, ревности, выяснениях отношений и прочем душевном мусоре. Я собираюсь стать хорошим магом. «Одно другому не мешает, — возразят мне люди. — Можно быть хорошим магом и замужней женщиной». И подтвердят свою глупость.

Нет. Нельзя. Сколько знаю хороших магов-женщин, столько знаю и о конце их карьеры. Стоит выйти замуж — и все, прощай, карьера, да здравствуют пеленки. Но меня это не устраивает. Мне нравится

вольная жизнь. Это в мире техники я уже вышла бы замуж, а сейчас мне торопиться некуда. Даже наоборот. Есть женщины, у которых весь смысл жизни в доме и детях, но я не из таких. Мне нужно перебежаться. Слишком бедна была на события моя жизнь в моем мире. Зато здесь всегда можно повеселиться! Пусть даже и за чужой счет. Все равно наши жертвы не протестуют...

А вот и наш преподаватель. Обычно зачеты мы сдаем в начале учебного года, но мне и еще троим ненормальным разрешили сделать это сейчас. Почему? Потому что зачеты в этом мире сдаются немного по-другому. Хочешь — зубри и сдавай вместе со всеми. Хочешь — по отдельности. Досрочно. Хотя в начале учебного года со всеми остальными экзаменами — твое дело. Выучил — сдал. И халява здесь не пройдет. Если я желаю сдать зачет досрочно, меня будут гонять по всему, вообще всему материалу по предмету. А иногда и по смежным дисциплинам. Так что учить приходится на совесть. При всем желании не забудешь. Я лично желала сдать теорию и практику межмировых перемещений пораньше. Почему? Не знаю. По предвидению у меня была четверка из жалости. Что-то я могла предсказать, но на уровне цыганки с базара. Наугад — и пальцем в глаз. Чаще всего у меня были предчувствия, что надо сделать то-то и то-то. И я старалась. Потом здоровее буду. А уж выучить теорию и практику межмировых перемещений?! Не вопрос! Там всего-то шесть томов по пятьсот-семьсот листов каждый! Мелочи!

В аудиторию вошел преподаватель.

— Кто отвечает первым?

— Я! — тут же подскочила я с места. А чего тянуть, если все знаешь?

— Хорошо. Иди к доске, Ёлка. И напиши мне для начала коэффициент Лемарны.

Я машинально провела мелом по щеке, кивнула и остервенело принялась пачкать доску. Преподаватель мучил меня уже больше часа, когда по коридору разнесся голос директора:

— Где Ёлка?! Немедленно в мой кабинет!!!

Преподаватель остановил меня и улыбнулся.

— Ну, что ты натворила на этот раз?

Он принадлежал к тем немногим среди наших универских учителей, кто мог разговаривать со мной в таком тоне. Уж кому-кому, но Виктору я не стала бы пакостить никогда в жизни. Он был фанатом, энтузиастом, истинно верующим адептом своего предмета. И знал о магическом переходе между мирами все известное современной науке. Учебники, описывающие теорию межмировых переходов, были для него важнее десяти Библий, а магические инструменты и кристаллы для обсчета и практических занятий — ценнее Святого Грааля. Еще он верил, что *ворота* есть проявление некоей закономерности, которую можно рассчитать, и был ужасно рассеян. Его обожал весь Универ, и мы не стали исключением.

Впервые увидев, как Виктор входит в кабинет, растрепанный, с лягушкой на плече, в учительской мантии, которой явно вытирали доску, застегнутой криво и косо, я фыркнула, но смех прошел, как только Виктор схватил мел и принялся рассказывать о межмировых переходах. Сразу стало ясно, что у человека *ворота* — идея фикс.

Высшие силы, я просто не знаю, как это объяснить! В мире техники такое бывает ну очень редко. Виктор занимался не просто магией, он занимался

по-настоящему любимым делом, для которого подходил наилучшим образом. Энтузиазм брызгал из него, как шампанское из хорошо взболтанной бутылки, — во все стороны. Он просто заражал людей своими идеями. Учиться у него было сплошным удовольствием. Дней десять я болела *воротами*, я бредила ими по ночам, я с головой закопалась в литературу стотысячелетней давности. Потом болезнь прошла, но иногда возвращалась в более легкой форме, и я опять утыкалась в книги. То же самое происходило и со всеми остальными. При этом Виктор был рожден в мире техники, в России, примерно в те времена, когда правила Екатерина Вторая, обитал в мире магии вот уже шестую сотню лет и жил в основном появлениями *ворот*, постоянно проверяя свои теории. Мы уважали его за то, что не понимали. А еще за то, что он никогда не говорил о том, чего не знал сам. В отличие от многих других учителей Виктор давал лекции прямо из головы. И никогда не спрашивал ученика, если сам не мог дословно ответить на заданный им вопрос. Такие люди, как он, — это еще более редкое явление, чем живой плезиозавр на Красной площади.

— Ничего я не сделала, честное свинское, — поклялась я.

— Ладно. Не верю. Но предмет ты знаешь. «Отлично» я тебе так и так поставлю. Иди к директору, пока от его воплей Универ с крышей не расстался.

— Благодарю!!!

— Да за что?! Я справедливо оцениваю! Ты все, что я вам преподавал и буду преподавать, знаешь на очень хорошем уровне. И оценку свою заслужила.

— Так вы же мне «отлично» ставите? Или все-таки «хорошо»?